

же время, заключают авторы, в своих лучших образцах как западноевропейская, так и отечественная сатирическая графика поднимались до уровня «философского обобщения» происходящих в мире событий (с. 35).

К уязвимым сторонам книги следует отнести недостаточное внимание к карикатурам, появившимся в англоязычной печати, особенно американской, в частности к воскресным приложениям «The New York Times», страницы которых были заполнены сатирическими зарисовками на злобу дня мировой политики. Обращение к этому влиятельному изданию было бы тем более уместно, поскольку в первые годы XX в. мировое первенство по части новостной осведомленности стало постепенно переходить к США. Осенью 1904 г. редакция этой газеты торжественно объявила, что именно «Нью-Йорк быстро превращается, а во многих отношениях уже превратился, в мировой новостной центр, придя на место Лондону»⁷. Дальнейшей проработки требует и такой непростой вопрос, как место и роль политического заказа в истории карикатуры – в книге он лишь намечен.

В общем, как показывает рецензируемая монография, история – не такая уж безнадежно унылая и скучная наука⁸, как порой представляется нашим собратьям по гуманитарному «цеху». Жаль, что живо написанная, прекрасно полиграфически исполненная и богато иллюстрированная книга А.Г. Голикова и И.С. Рыбаченко выпущена столь малым тиражом.

**Д.Б. Павлов, доктор исторических наук
(Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет)**

Примечания

¹ См., например: *Дмитриев А.В.* Социология юмора. Очерки. М., 1996; *International Review of Social History*. Vol. 52. Supplement 15. Humor and Social Protest (Preface). Amsterdam, 2007; *Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д.* Мы и они в зеркале анекдота // Отечественные записки. 2007. № 1: *Ворошилова М.Б.* Кризис сквозь смех: метафорический образ мирового кризиса в русской политической карикатуре // Политическая лингвистика. Вып. 1(31). Екатеринбург, 2010.

² См., например: *Лики семнадцатого: (1917 год в политических портретах Ю.К. Арцыбушева)* / Публ. О. Зимарина и Д. Павлова. М., 1991; *Ячницца всмятку, или Несерьезно о серьезном: над кем и над чем смеялись в России в 1917 г.* М., 1992; *Ватлин А.Ю., Малащенко Л.Н.* История ВКП(б) в портретах и карикатурах ее вождей. М., 2007.

³ *Рыбаченко И.С.* Россия и Франция: союз интересов и союз сердец, 1891–1897 гг.: Русско-французский союз в дипломатических документах, фотографиях, рисунках, карикатурах, стихах, тостах и меню. М., 2004; *она же.* Русско-французский союз конца XIX в. в политической карикатуре // Россия и Франция XIII–XX века. М., 2006.

⁴ *Голиков А.Г.* Исторический источник в свете учения об информации: теория, практика, возможности (политическая карикатура периода революции 1905–1907 гг.) // Идеи академика И.Д. Ковальченко в XXI веке: Материалы IV научных чтений, посвященных памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 2009.

⁵ *Ворошилова М.Б.* Креолизованный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. Вып. 3(23). Екатеринбург, 2007.

⁶ *Русский вестник.* 1904. Т. 291. Июнь. С. 910.

⁷ *The New York Times.* 1904. September 25. Sunday Supplement. P. 5.

⁸ *Дмитриев А.В.* Указ. соч. С. 118.

К.А. Соловьев. Круг «Беседа». В поисках новой политической реальности, 1899–1905. М.: РОССПЭН, 2009. 287 с.

Монография молодого историка К.А. Соловьева представляет собой переработанный вариант кандидатской диссертации, подготовленной под научным руководством В.В. Шелохаева и успешно защищенной в 2004 г. Она является индивидуальным исследовательским проектом, который вписывается в крупномасштабный, весьма плодотворный и невероятно плодотворный коллективный проект фронтального и систематического изучения российской общественной мысли XVIII–XX вв. Соловьев также принимает в нем деятельное участие¹.

Нужно сказать, что объединению «Беседа» в историографической традиции не очень повезло. Во-первых, ее история до сих пор

затрагивалась в исследованиях российского «освободительного движения» конца XIX – начала XX в. преимущественно в качестве вспомогательного и второстепенного сюжета. Во-вторых, историкам не удавалось договориться о месте «Беседы» в общественном движении поздней Российской империи, позиционируя ее либо как слабую альтернативу по отношению к «освободительному» движению, либо как его начальный и весьма незрелый этап. В-третьих, оставалось неясным, можно ли рассматривать это образование как дискуссионный кружок, в котором участвовали чуть ли не политические противники, или следует интерпретировать «Беседу» как протопартию

с начатками организационных структур, элементами целостной программы и тактического единства.

Автор монографии решительно и аргументированно выступает за более внимательное отношение и более высокую оценку заслуг этого объединения в истории российского общественного движения, чем те, что были характерны для его предшественников. Для этого он находит достаточно оснований: «Кружок „Беседа“ занимает особое место среди прочих протопартийных объединений. Он существовал сравнительно долго – почти 6 лет. После него остался значительный комплекс документов, среди которых особое место занимают стенограммы заседаний кружка. Наконец, абсолютное большинство членов „Беседы“ займет видное место в политической жизни России после 1905 г.» (с. 5–6).

Здесь читатель является свидетелем того, насколько весомую роль в ходе и исходе исследования играют авторская гипотеза и исследовательское воображение. Исходный тезис Соловьева состоит в том, что «Беседа» была лишь частью земского движения. Именно этот посыл позволяет ему сконструировать широкую источниковую основу своих поисков, без создания которой их результаты были бы принципиально иными. «„Беседа“ – хотя и важный, но все же лишь элемент земского движения. Вырывать ее из исторического контекста – значит изучать координационный центр, теряя из виду, что он в действительности координировал. Так что источниковую базу данного исследования невозможно свести лишь к материалам, касающимся непосредственно только самой „Беседы“» (с. 17). В этой связи вполне логично, что автор привлекает к детальному анализу не только стенограммы «Беседы», но и делопроизводственные материалы губернских земских собраний, земских съездов, съездов губернских дворянских предводителей, материалы Департамента полиции, публицистику, источники личного происхождения.

Архитектоника монографии в значительной степени повторяет структуру диссертации и является традиционной для работ подобной тематики. Она включает в себя главы об организационной структуре, программе и тактике кружка «Беседа». Четвертая глава – «От протопартии к партии» – посвящена закату кружка в изменившихся политических условиях политического кризиса 1904 г. и последовавшей за ним революции 1905 г. Такая схема исследования протопартийного объединения, несмотря на ее традиционность, в данном случае вполне оправдана, поскольку создает основу для его сравнения с другими коллективными «игроками» политической оппозиции в предрево-

люционной России, позволяя выявить общее и специфику изучаемого феномена.

В первой главе автор рассматривает образование, состав и структуру «Беседы». На первом собрании будущих «собеседников» 17 ноября 1899 г. присутствовало 6 человек, а к 1905 г. их число выросло до 56, из которых реальных участников было еще меньше, 42. Самое многочисленное собрание кружка насчитывало 23 «собеседника», а в среднем в нем участвовало 13 человек. По подсчетам автора, в активное ядро объединения входили 21–24 участника. Социальный состав «Беседы» также долго внушал историкам законное, особенно с точки зрения классового подхода, недоверие к ресурсу оппозиционности членов кружка, который современники по праву прозвали «палатой лордов»: в него входили 9 князей и 5 графов. 62% «собеседников», средний возраст которых составлял 35 лет, принадлежали к высшему руководству земского самоуправления. Участие в объединении определялось личным знакомством и родством (не случайно среди членов кружка было 6 пар родных братьев). Однако Соловьев находит убедительные аргументы в пользу протопартийного характера «Беседы» и на институциональном уровне. Хотя «собеседники» собирались всего 3–5 раз в год, а ход заседаний определялся сложившейся традицией салонного характера, постепенно в недрах кружка стали формироваться некоторые структуры: оргбюро, состоявшее из московских членов объединения, которое собиралось не реже одного раза в месяц, казначей, постоянный секретарь и архивариус (с 1904 г.). Большой формализации члены «Беседы» не желали. По мнению автора, такая организационная форма – «кружок, не слишком большой по численности и не столь представительный по составу, чтобы претендовать на статус альтернативного центра власти» (с. 61) – была весьма характерной и наиболее удачной в условиях самодержавной России.

В пользу солидного веса «Беседы» в протопартийном ландшафте России рубежа XIX–XX вв. неоспоримо свидетельствует и тот факт, что большинство «собеседников» (около 30) в будущем стали фигурами первой величины в руководстве политических партий либерально-консервативного спектра (с. 47). Исходя из очевидного факта соседства в «Беседе» двух идеологических направлений – конституционного и неославянофильского, последнее из которых составляло среди «собеседников» авторитетное меньшинство, историографическая традиция долгое время склонялась к интерпретации этого «странного» объединения в качестве идеологически гетерогенного дискуссионного кружка. Во второй главе монографии,

анализируя основания идеологического компромисса и саму программу «Беседы», автор занимает принципиально иную позицию: «По сути дела, они (конституционалисты и неославянофилы. – И.Н.) предлагают различные гносеологические модели. Однако, когда речь заходила о конкретных проблемах политики и государственного устройства, они сами же от них отходили. Поэтому с содержательной точки зрения, эти, казалось бы, противоположные концепции имели много общего» (с. 88). Под гносеологическими моделями Соловьев подразумевает в данном случае рационалистическую аргументацию конституционалистов и традиционалистские доводы неославянофилов. Демонстрируя различия в подходы тех и других к отдельным мировоззренческим вопросам и проблемам российской жизни, автор убедительно показывает, как внутренние противоречия каждой из доктринальных установок участников «Беседы» порождали возможность плодотворного компромисса и общую программную платформу.

Особенно эффектно это удалось Соловьеву на примере отношения «собеседников» к праву и правовым механизмам. Конституционалисты выступали за систему правообразования, непрерывно обеспечивающую соответствие норм права правосознанию, и усматривали гарантию непрерывности этого соответствия в учреждении конституционной формы правления. Неославянофилы в свою очередь считали правовые формы вторичными, выдвигая в качестве краеугольного камня российской государственности и общественности этико-религиозные нормы, признаваемые всем обществом. Государство воспринималось ими в духе классического консерватизма, как вынужденное зло и следствие несовершенства человеческой природы. Согласно такой логике, власть разращает, и чем больше людей ею обладает, тем она опаснее для морального состояния общества (с. 69). Однако противоречия каждого из очерченных подходов обеспечивали фактическое сближение позиций. Конституционалисты исходили из предзаданности (внеполитичности) прав человека, изымая его из ведения государства и общества. Исходя из этого же недоверия к русскому обществу, воспринимавшемуся как «людская пыль» (Ф.Д. Самарин), неославянофилы вынесли за скобки политического российское самодержавие: ограничения императорской власти ими предусматриваются, но не описываются как политическое явление. В результате непоследовательности крайних позиций возникала общность намерений, состоявшая в необходимости самоорганизации общества и трансформации режима.

Однако соблюдение единства требовало компромисса в первую очередь со стороны конституционалистов. «Ради того, чтобы как раз не превратиться в дискуссионный клуб, а ограничиться вопросами, по которым можно было прийти к общему мнению, “собеседники”-конституционалисты считали необходимым избегать вопросов, по которым было невозможно прийти к какому-либо соглашению» (с. 93). По мнению Соловьева, такая «недоговоренность» говорит как раз в пользу существования общей программы кружка» (там же). Результатом внешней непоследовательности идеологических построений и последовательной недоговоренности стали общие программные требования, никогда не существовавшие в виде отдельного документа: мелкая земская единица, общероссийское представительство, расширение прав земств. Для конституционалистов общая программа включала минимальный набор требований, для славянофилов – максимальный. «В любом случае, именно такое совпадение максимума с минимумом позволяет нам говорить об общей политической платформе “Беседы”, объединявшей как сторонников конституции, так и сохранения самодержавия» (с. 110).

Остальные главы написаны весьма осторожно и традиционно. Несомненно, они дают ценный материал для специалистов по истории российского либерализма и консерватизма, но в них лично мне не хватило концептуализации, позволившей описать и деятельность, и закат «Беседы» не в качестве некоего российского курьеза, а в рамках общеевропейской ситуации, в которой европейские интеллектуалы XIX–XX вв. (прежде всего – немецкие) непрестанно искали и с большим трудом находили собственную автономную нишу между властью и публикой². Смею предположить, что автор, весьма хорошо вооруженный теоретическим инструментарием³, к моменту издания книги «устал» от этого, завершенного пятилетием раньше, проекта, и ограничился для книжного издания косметической доработкой диссертационного текста.

Третья глава монографии посвящена тактическим установкам «Беседы», целью которых было убедить власти в спасительности предложенного ими пути. Общие тактические принципы «собеседников» состояли в легальности («корректности»), предполагая тем не менее возможность выхода тактики за рамки существующей политической системы; воздействие на общественное мнение и власть (но не на народ, о котором участники «Беседы» не вспоминали до 1905 г.) через земские собрания и периодику. Автор пришел к важному выводу, что «там, где “Беседа” могла оказывать влия-

ние на исход дела, [там] и существовало, в первую очередь, земское движение» (с. 153). Рассматривая же сотрудничество «собеседников» с издательством «Право» по публикации тематических сборников, Соловьев констатирует: «Благодаря этим издательским проектам удалось наладить тесное взаимодействие представителей земской оппозиции и “неземской” интеллигенции» (с. 178).

Однако эта тактика имела свою слабую сторону – ситуативный характер, делавший ее непригодной в иных политических условиях: «Тактика объединения была рассчитана на ситуацию относительной стабильности, когда власть контролирует положение и является основным игроком, которого нельзя не учитывать» (с. 179). Именно это обстоятельство послужило основной причиной распада «Беседы» в условиях политического кризиса 1904 г., о чем автор пишет в заключительной главе. Кроме того, новые условия оказались тяжелым испытанием для идеологического компромисса «собеседников»: «Новые вызовы времени привели к дальнейшей дифференциации различных идеологических направлений в рамках “Беседы”» (с. 188). В целом «Беседа» перешла на позиции конституционализма, и потребность в неославнофильской «ширме» для конституционных идей отпала. Неославнофилы вышли из состава кружка, создав ряд новых объединений («Отечественный союз», «Союз русских людей»). Идеологическая дифференциация наблюдалась и среди конституционалистов. Ее причина, объясняющая, впрочем, аналогичные процессы и в других сегментах российской оппозиции, состояла в появлении новых факторов, предугадать развитие которых было невозможно. «Своеобразие политической ситуации конца 1904 г. определялось наличием двух “неизвестных”: в обществе не знали, что ожидать от власти, спорили о характере народных настроений» (с. 216).

Подводя итог исследования, К.А. Соловьев еще раз возвращается к тезису, который, вероятно, следует признать главным достижением авторского проекта: «Есть основания полагать, что “Беседа” удавалось координировать деятельность земств» (с. 229). Таким образом, рецензируемая книга позволяет с уверенностью вернуться к тезису, очевидному для свидетелей и участников «освободительного движения»: «Беседа» представляла собой важный этап в развитии российской общественности.

**И.В. Нарский, доктор исторических наук
(Южно-Уральский государственный
университет (Челябинск))**

Примечания

¹ О текущих результатах этого коллективного проекта, а также о состоянии изучения российской общественной мысли, прежде всего ее либеральных и консервативно-реформистских сегментов, см.: Общественная мысль России. XVIII – начало XX в. Энциклопедия. М., 2004; Общественная мысль Русского зарубежья. М., 2009; Российский либерализм. XVIII – начало XX в. М., 2010; Российский консерватизм, XVIII – начало XX в. Энциклопедия. М., 2010.

² О европейских интеллектуалах подробнее см.: *Geiger T. Aufgaben und Stellung der Intelligenz in der Gesellschaft.* Stuttgart, 1949; *Mannheim K. Ideologie und Utopie.* Frankfurt/M., 1952; *Darendorf R. Gesellschaft und Demokratie in Deutschland.* München, 1965; *Shils E. Intellectuals, Tradition and the Tradition of Intellectuals / E. Shils (Ed.). Center and Periphery. Essays in Macro-Sociology.* Chicago, 1975; *Michels R. Masse, Führer, Intellektuelle.* Frankfurt/M.; N.Y., 1987; *Lepsius M.R. Interessen, Ideen und Institutionen.* Opladen, 1990; *Giesen B. Die Intellektuellen und die Nation: eine Deutsche Achsenzeit.* Frankfurt/M., 1993; *Ibid. Kollektive Identität: Die Intellektuellen und die Nation.* Frankfurt/M., 1999.

³ См., например: *Соловьев К.А. Жизненный мир «новых людей» шестидесятых годов XIX века.* М., 2007.

Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М.: РОССПЭН; Германский исторический институт в Москве, 2009. 927 с.

Рецензируемый сборник вносит серьезный вклад в разработку истории сталинизма как репрессивной политической системы на провинциальном уровне¹. В реализации этого международного исследовательского проекта участвовали историки России, Украины и Германии. Среди них такие известные ученые,

как Б. Бонвеч, М. Юнге (Германия), Н.Н. Аблажей, В.А. Иванов, О.Л. Лейбович, Т.Г. Леонтьева, В.Н. Никольский, С.А. Папков, В.Н. Разгон, А.Б. Суслов (Россия), Ю.И. Шаповал (Украина).

В центре исследовательского внимания оказался приказ № 00447 «Об операции по ре-